

Прокуратура Нижегородского судебного округа в ходе судебной реформы 1864 года

К середине XIX века архаичная и абсолютно неэффективная судебная система Российской империи подвергалась перманентной и сокрушительной критике. Сословный принцип построения судебных органов: уездный суд для дворян и крестьян; городские магистраты для мещан; надворные суды в Петербурге и Москве для дворян и чиновников; большое количество судебных инстанций, канцелярская тайна и инквизиционный процесс истребования доказательств соединялись с равнодушием, некомпетентностью и алчностью судебных чиновников. Основным действующим лицом в суде являлся секретарь, который назначался на должность из числа немногих лиц, имеющих высшее юридическое образование, а по сему, обязывался изучать уголовное или гражданское дело, ссылаться на соответствующие статьи 15-томного Свода законов Российской империи при докладе материалов дела судьям, которые зачастую имели только военное образование и «творили правосудие», даже не читая следственные и судебные документы. Эта весьма странная необязательность судей порождала злоупотребления и беспредел во всем и повсюду. В судебных помещениях «царила грязь, было темно, и воздух казался пропитанным испарениями алкогольного свойства, нечистым дыханием чиновников, сидевших в тесноте за столами и являвших очень невзрачный вид: оборванные, грязные, плохо обритые, часто с подвязанной почему-то щекой, с алчными взглядами, они не вызывали никакого доверия явившемуся в суд просителю и уже ни за что не выпускали его из своих рук без взятия с него хотя бы и мелкого денежного дара, который быстро прятался ими в карман получившего его, или под сукно стола, а то под «дело» [1].

Судебная система порождала не только презренное лихоимство, но и жалкое подобострашие по отношению к высшим мира сего, и возмутительную, до безобразия, волокиту. Когда император Николай I узнал о том, что судебные органы в течение 20 лет разрешают и не в состоянии разрешить гражданское

Ю.А. Самарин

*Прокурор Володарского района
Нижегородской области в отставке,
в настоящее время старший преподаватель
кафедры уголовно-правовых дисциплин
ФБОУ ВПО «ВГАВТ»*

дело о разделе наследства Баташева А.Р., он написал на жалобе заинтересованных лиц негодующую резолюцию и был вынужден, таким образом, пресечь канитель [2]. Впрочем, строгие окрики и резолюции Николая I «держаться закона и никогда сего не забывать» редко волновали недобросовестных судей.

Под стать судебным чиновникам являлись «лица прокурорского надзора», которые, в силу тех же причин, были неспособны эффективно осуществлять надзор за рассмотрением в суде гражданских и уголовных дел. К тому же среди них давно определилась точка зрения: «Наблюдение – это по большей части случайно и фиктивно, потому что прокуратура не в состоянии усмотреть за всеми сторонами судебного судопроизводства, даже если будет проявлять крайне нежелательную придирчивую притязательность» [3].

Тем не менее, надзор за производством дел в сенате, в « губернских и уездных местах» все-таки осуществляли прокуроры и помощники прокурора – стряпчие. Прокуратуру на местах возглавлял губернский прокурор, непосредственно подчиненный министру юстиции как генерал-прокурору. В его подчинении находились два губернских стряпчих (казенных и уголовных дел) и по одному в каждом уезде. Им принадлежало право надзора за правильным применением законов не только судебными, но и административными органами, а также – за обеспечением интересов казны. С 1802 года на прокуратуру возложен надзор за следствием, с 1826 года надзор за исполнением судами законов в отношении государственных крестьян (51% сельского населения), с 1827 года уездные стряпчие были обязаны осуществлять надзор за местами лишения свободы. В порядке общего надзора прокуроры и стряпчие участвовали в заседаниях различных учреждений, давали заключения по разнообразным делам, осматривали журналы и изучали постановления всех присутственных мест и, кажется, все более стремились «объять необъятное». При этом они демонстрировали свою активность многочисленными донесениями в адрес губернатора или срочными «ведомостями», адресованными министру юстиции¹.

¹ Положения о прокурорском надзоре содержатся в следующих томах: Своде законов Российской Империи 1832 г; в ч. 2 т. 1 (Учреждения государственные), в ч. 1 т. 2 (Общегубернские учреждения), в ч. 2 т. 10 (Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских) и в ч. 2 т. 15 (Закон о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках).

«А между тем, – писал И.Я.Фойницкий, – расширяя объем прокурорской власти, задача наблюдения за охранением законов уменьшает ее силу, приносит ее интенсивность в жертву экстенсивности, ее практическую мощь в жертву ее теоретической высоте» [4]. В 1843 году главноуправляющий II отделения Собственной Его Величества канцелярии граф Д.Н. Блудов запросил мнение министра юстиции обо всех недостатках судебной системы империи. Спустя год он предоставил соответствующие сведения императору, который ознакомился с информацией и разрешил инициатору создать комитет для составления уставов о судопроизводстве. Они были подготовлены к 1860 году, рассматривались Государственным советом в 1860–1861 гг., но были отвергнуты, поскольку из-за непозволительной волюнтаристичности уже не соответствовали новым потребностям «освобожденного народа».

В 1862 году состоялся Высочайший указ, которым признана необходимость образования судебных органов на принципах «достоинство коих признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств». В связи с этим были выработаны «Основные начала судебной реформы», которые обсуждены Государственным советом, 29 сентября 1862 года Высочайше утверждены и опубликованы для всеобщего сведения. При государственной канцелярии с целью составления проектов судебных уставов была создана комиссия под председательством государственного секретаря В.П. Буткова. Эта комиссия состояла из трех секций – устава гражданского судопроизводства (председатель С.И. Зарудный), уголовного судопроизводства (председатель Н.А. Буцковский), судопроизводства (председатель А.М. Плавский). За 11 месяцев интенсивной деятельности она исполнила свою миссию. В декабре 1863 года В.П. Бутков направил проекты судебных уставов министру юстиции А.Н. Замятнину. 2 октября 1864 года законопроекты и замечания на них были рассмотрены Государственным советом, а в ноябре – одобрены Общим присутствием Совета.

20 ноября 1864 года император Александр II, рассмотрев принятые Государственным советом законопроекты: Устав судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, – заключил, что «они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для

всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего», утвердил нормативные акты и повелел Правительствующему сенату распорядиться об их обнародовании.

Судебная реформа 1864 года была основана на европейских принципах судопроизводства – отделении судебной власти от исполнительной, гласности, устности, независимости, несменяемости судей, всесловности, равенства всех перед законом, участия народа в отправлении правосудия, защиты подсудимых присяжными поверенными.

В соответствии с Уставом судебных установлений (УСУ) власть судебная принадлежала: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам и Правительствующему сенату – в качестве верховного кассационного суда (ст.1 Введения). Мировые судьи, рассматривавшие определенную в законе категорию, дел выбирались на 3 года на уездных земских собраниях с учетом имущественного и образовательного ценза и утверждались сенатом. Их решения обжаловались в съездах мировых судей, состоявших из участковых и почетных мировых судей. Более важные дела рассматривались окружными судами, причем уголовные дела решались присяжными заседателями. Приговоры и решения окружных судов обжаловались в судебных палатах, постановления которых в кассационном порядке разрешались Правительствующим сенатом.

19 декабря 1865 года Правительствующий сенат утвердил «Положение о введении в действие Судебных уставов», а 16 февраля 1866 года министр юстиции Д.Н.Замятин принял «Временные правила для определения к новым судебным должностям». При этом преследовались три цели: улучшение личного состава судебного ведомства, ускорение производства уголовных и гражданских дел и неисполненных решений, уменьшение числа нерешенных дел и неисполненных решений. Министр юстиции был целеустремлен и лично подбирал на должности коронных судей, судебных следователей и прокуроров лиц, которые были юридически подготовлены, честны, инициативны, обладали тактом и даром слова, другими качествами, которыми, по его мнению, должен быть наделен каждый служащий судебного ведомства. В этой связи первый призыв чиновников

в новые судебные органы, по общему мнению, оказался лучшим в Российской империи.

После этого 17 апреля 1866 года была открыта С.–Петербургская, а 23 апреля 1866 года Московская судебные палаты, создавались окружные и мировые суды, прокуратура и адвокатура. Состав С.–Петербургской судебной палаты состоял из С.–Петербургского, Новгородского, Псковского, Великолукского, Устюжского, Белозерского окружных судов. В Московскую судебную палату были включены Московский, Рязанский, Тульский, Калужский, Ярославский, Владимирский, Тверской, Кашинский, Ржевский, Рыбинский, Нижегородский (с 1869 г.), Костромской, Смоленский (с 1870 г.) и Вологодский (с 1875 г.) окружные суды, которые состояли из председателя, его товарищей и членов суда. В аппарат суда входили также прокурор и товарищи прокурора, но они были отделены от судебной власти и имели особую иерархию: прокурора палаты и министра юстиции как генерал–прокурора.

Согласно ст. 135 УСУ предметы занятий лиц, коим вверен прокурорский надзор, ограничивается делами судебного ведомства². В этой сфере деятельности прокуроры осуществляли надзор за единообразным и точным применением законов, возбуждали уголовное преследование лиц, совершивших преступления, а так же участвовали в уголовном и гражданском судопроизводстве в определенных законом случаях. Таким образом, общий надзор за исполнением законодательства органами государственной власти, местного самоуправления, должностными лицами уже не входил в компетенцию прокуратуры.

Как отмечает С.М. Казанцев: «В пореформенный период у прокуроров появилось, наконец, «свое», настоящее, живое дело, успешно заниматься которым можно было, если уж не отдаваясь ему всей душой, то по крайней мере, добросовестно. Стало формироваться новое поколение прокурорского надзора, которое было лишено основных пороков своих предшественников: взяточничества, некомпетентности и безответственности» [5].

Прокурор, реализуя свои полномочия в сфере надзора, действовал «на основании своего убеждения и существующих законов» при составлении обвинительных актов, представляя суду свои заключения по уголовным и гражданским делам, принося протесты на приговоры и определения судебных

² Цитируется по изданию: Судебная реформа. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1991. Т. 8.

органов. В этом заключался основополагающий принцип независимости прокуратуры от местных, административных, судебных органов, который не противоречил принципам единоначалия, строгой иерархической дисциплины прокуроров и их товарищей.

В соответствии со ст. 202 УСУ «должности председателей, товарищей председателей и членов судебных мест, а равно чинов прокурорского надзора, обер секретарей, секретарей и их помощников замещались с соблюдением порядка, указанного в ст.ст. 203–211 УСУ, не иначе как из числа лиц, имеющих аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, или о выдержании экзамена в сих науках, или же доказавших на службе свои познания по судебной части».

Согласно ст. 210 УСУ и ст. 6 «Временных правил...» на должности товарищей прокурора окружного суда министром юстиции назначались преимущественно помощники юрисконсультов, губернские стряпчие и судебные следователи, а так же лица, занимавшиеся судебной практикой не менее четырех лет. Должности окружных прокуроров замещались судебными следователями, товарищами прокуроров, занимавшимися судебной практикой не менее шести лет, а также прокурорами в связи с перемещением из одного судебного округа в другой «по представлениям министра юстиции высочайшей властью» (ст. 221 УСУ).

В отличие от судей принцип несменяемости на прокуроров и их товарищей не распространялся. В соответствии со ст.226 УСУ их увольнение зависело «от той власти, кою они определены к должностям, а перемещение их в другие судебные места или на другие должности – от той власти, которой принадлежит назначение в сии новые должности». Причем лицо прокурорского надзора могло быть освобождено от должности без объяснения ему причин увольнения.

5 июля 1868 года Правительствующий сенат принял Указ «О введении Судебных уставов 1864 года в округе Одесской судебной палаты и в губерниях Полтавской и Нижегородской». Этим указом министру юстиции предоставлялось право введения судебных установлений в Нижегородской губернии в течение первой трети 1869 года, с присоединением ее к округу Московской судебной палаты. При этом должностные лица назначались в новое судебное ведомство за 3 месяца до его открытия, с учетом размера территории округа, его населения и

криминогенной обстановки. Было точно определено, что численность прокуроров должна составлять 1/10 часть всех судей и около ‰ части судей общих судебных установлений. По одному лицу прокурорского надзора приходилось на 65 тыс. кв. верст и 118 тысяч населения [6]. В связи с этим следовало иметь ввиду, что Нижегородская губерния занимала площадь 45054,1 кв. версты. На 1-е января 1869 года на ее территории проживали 1 269 302 человека: в Нижнем Новгороде – 43082, его уезде – 115 083, в Арзамасе – 10 442, его уезде – 115 478, а Ардатове – 2 696, его уезде – 118 630, в Балахне – 4 097, его уезде – 96 576, в Василе – 2 432, его уезде – 91 321, в Горбатове – 2 989, его уезде – 107 775, в Княгинино – 1 557, его уезде – 101 234, в Лукоянове – 2 902, его уезде – 160 607, в Макарьеве – 1 690, его уезде – 83 500, в Семенове – 2 867, его уезде – 82 682, в Сергаче – 2 969, его уезде – 118 465 человек [7].

Согласно статистическим сведениям дореформенных судебных учреждений в Нижегородской губернии были осуждены за различные преступления в 1858 г. – 317, в 1859 г. – 360, в 1860 г. – 573, в 1861 г. – 472, в 1862 г. – 350 лиц.

Структура наиболее распространенных и общественно опасных преступлений, например, в 1860 году выглядела следующим образом: преступления по службе государственной и общественной – 23, нарушения Устава о казенных лесах – 15, бродяжничество, укрывательство беглых и нарушения постановлений о паспортах – 78, смертоубийство – 12, произвольное оставление человека в опасности – 14, личное оскорбление – 7, зажигательство – 6, грабеж – 15, воровство–кража – 149, воровство–мошенничество – 9. В том году зафиксировано наибольшее количество осужденных, но среди них не было судимых за присвоение вверенного чужого движимого имущества, разбой и преступления против чести и целомудрия женщин [8].

Низкий уровень преступности в 60-х годах XIX века на территории Нижегородской губернии – характерный признак нравственного состояния общества, которое находилось в относительно–уравновешенном состоянии, пока не разжигаемое террором и классовой борьбой маргинальных группировок и партий.

Временный штат судей, судебных следователей и прокуроров, их денежное содержание были утверждены императором. На коронных судей, судебных следователей и прокуроров возлагались обязанно–

сти по разрешению дел прежних судебных органов, которые прославились своей некомпетентностью, слабой исполнительской дисциплиной и вопиющей волокитой. Так, согласно отчету министерства юстиции за 1868 год в Нижегородской судебной палате накопилось 1319 нерешенных уголовных и гражданских дел. Этот показатель явного упадка дореформенных судебных учреждений губернии был превзойден лишь Оренбургской судебной палатой, где оставались нерешенными 1368 дел. Между тем, пореформенные судебные учреждения действовали весьма эффективно и квалифицированно. За тот же период времени в Санкт–Петербургской и Московской судебных палатах остались в производстве судебных следователей, поступили «на ревизию», по апелляциям и жалобам участников процесса соответственно 164 и 70 уголовных и гражданских дел [9]. В этой связи является закономерным упразднение дореформенных судебных учреждений, должностей уездного и Нижегородского губернского прокурорского надзора, но чиновники, не получившие другого назначения, оставались за штатом с выплатой им жалования или единовременных выданных по определению Правительствующего сената на основании ч. 3 ст. 1012 Устава о гражданской службе.

Из лиц указанной категории только губернский прокурор, коллежский советник В.И. Анненков, заседатель Нижегородской палаты уголовного суда, надворный советник Д.М. Аверкиев и судебный следователь Княгининского уезда, коллежский асессор В.И. Вейсман получили новое назначение соответственно на должность прокурора Нижегородского окружного суда (Высочайший приказ N 36 от 10.10.1868 г.) и на должности товарищей прокурора того же суда (приказы министра юстиции N 41 от 4.11 и N 74 от 7.11.1868 гг.) [10].

31 декабря 1868 года министр юстиции после тщательного изучения формулярных списков назначил остальных товарищей окружного прокурора: титулярного советника Л.Л. Фатьева, ранее исполнявшего должность товарища прокурора Калужского окружного суда, коллежского секретаря И.Х. Исаковича – и.д. судебного следователя Муромского уезда, титулярного советника В.С. Абакумова – и.д. судебного следователя Рузского уезда, титулярного советника Н.В. Талицкого – и.д. судебного следователя 1–го участка г. Ярославля и титулярного советника Г.Г. Гогеля, состоявшего в распоряжении сенатора А.Н. Шахова.

15 января 1869 года старший председатель Московской судебной палаты, сенатор тайный советник А.Н. Шахов, ревизующий по Высочайшему повелению судебные учреждения губернии, указал, что в связи с назначением в полном составе должностных лиц прокурорского надзора и распоряжением о направлении с 1 января в прокуратуру Нижегородского судебного округа следственных дел, подведомственных окружному суду, необходимо для выполнения требований ст. 126 УСУ «разделить Нижегородскую губернию» на три прокурорских участка: 1) Северо–западный – г.г. Нижний Новгород, Семенов, Балахна, Горбатов и их уезды; 2) Северо–восточный – г.г. Макарьев, Васильсурск, Книгинин и их уезды; 3) Южный – г.г. Аразамас, Ардатов, Лукоянов, Сергач и их уезды. В этой связи сенатор назначил товарищей окружного прокурора Л.Л. Фатьева, Н.В. Талицкого, и Г.Г. Гогеля – осуществлять надзорные функции в Северо–западном, Д.М. Аверкиева и В.И. Вейсмана – в Северо–восточном, а В.С. Абакумова и И.Х. Исаковича в Южном прокурорских участках. Одновременно были детализированы, согласно Уставам 1864 года, полномочия товарищей прокурора: Фатьев и Талицкий осуществляли прокурорский надзор на территории Нижегородского и Семеновского, Гогель Балахнинского и Горбатовского, Аверкиев– Макарьевского, Вейсман– Княгининского и Васильского, Абакумов– Лукояновского и Сергачского, Исакович– Арзамасского и Ардатовского следственных участков. Сенатором были так же определены места жительства товарищей прокурора окружного суда: Фатьев, Талицкий, Гогель – г. Н. Новгород, Аверкиев – г. Лысково, Вейсман – г. Василь, Абакумов – г. Лукоянов, Исакович – г. Арзамас. Перемена места жительства для товарищей прокурора в пределах Нижегородской губернии была возможна с разрешения прокурора Московской судебной палаты. («Нижегородские губернские ведомости», N 6 от 22 февраля 1869 года).

7 февраля 1872 года император назначил прокурором Нижегородского окружного суда надворного советника Томсена Н.П., который самым тщательным образом проанализировал состояние прокурорского надзора на территории округа, изучил коэффициент полезного действия товарищей прокурора и с учетом увеличения штата перераспределил должностные обязанности сотрудников прокуратуры.

25 мая 1872 года «Нижегородские губернские ведомости» сообщили, что 19 мая 1872 года окруж–

ной прокурор переделил участки, «вверенные надзору его товарищей», распределение должностных обязанностей утверждено прокурором Московской судебной палаты и с 1 июня 1872 года будет приведено в исполнение в следующем виде: «Прокурор Томсен Н.П. независимо от обязанностей, возложенных на него законом, по званию прокурора будет непосредственно наблюдать за производством следствий по особо важным делам. Товарищи прокурора окружного суда 1. И.Х. Исакович, не имея участка, останется в полном его распоряжении, будет состоять при камере и исполнять особые, возложенные на него поручения. 2. И.М. Пашковский обязывался заведовать: а) 1, 2 и 3 следственными участками г. Н. Новгорода, б) давать заключения на съезде мировых судей Нижегородского мирового округа, в) заведовать Нижегородским местом заключения для арестуемых, по приговорам мировых судей и их съезда, г) Нижегородским тюремным замком (1–м тюремным корпусом). 3. В.С. Абакумов – заведовать а) 4 и 5 следственными участками г. Н. Новгорода, б) заведовать Нижегородской женской тюрьмой и рабочим смирительным домом (2–м тюремным корпусом). 4. Г.Г. Гогель – заведовать а) 1 и 2 следственными участками Балахнинского уезда и 5 участком г. Н. Новгород в чѣм этот последний участок касается Балахнинского уезда (4 волости), б) давать заключения на съезде мировых судей Балахнинского мирового округа, в) заведовать Балахнинским тюремным замком и всеми полицейскими местами заключения, находящимися в г.Н.Новгороде (арестанские помещения при Нижегородских и уездных полицейских управлениях при частях города). 5. Д.М. Аверкиев – заведовать а) 1, 2 и 3 следственными участками Семѣновского уезда, б) Семѣновским тюремным замком и всеми местами заключения по Семѣновскому уезду и в) давать заключения на съезде мировых судей Семѣновского мирового округа. 6. И.П. Мандрыкин – заведовать а)1, 2 и 3 следственными участками Макарьевского уезда, б) Макарьевским тюремным замком и всеми местами заключения по Макарьевскому уезду и в) давать заключения на съезде мировых судей Макарьевского мирового округа. 7. А.Н. Мосолов – заведовать а) 1 и 2 следственными участками Васильского уезда, б) Васильским и Сергачским тюремными замком и всеми местами заключения по Васильскому и Сергачскому уездами и в) давать заключения на съезде мировых судей Васильского (в с. Быковка) и Сергачского

мировых округов. 8. В.И. Вейсман – заведовать а) 1 и 2 следственными участками Княгининского уезда, б) Княгининским тюремным замком и всеми местами заключения по Княгининскому уезду, и в) давать заключения на съезде мировых судей Княгининского мирового округа. 9. Н.С. Забелин заведовать а) 1 и 2 следственными участками Горбатовского уезда и 1 участком Ардатовского уезда, б) Горбатовским тюремным замком и всеми местами заключения по Горбатовскому уезду и в) давать заключения на съезде мировых судей Горбатовского мирового округа. 10. Н.П. Гудим–Левкович – заведовать а) 1 и 2 следственными участками Арзамасского уезда и 2 следственным участком Ардатовского уезда, б) Арзамасским и Ардатовским тюремными замками и всеми местами заключения по Арзамасскому и Ардатовскому уездам и в) давать заключения на съезде мировых судей Арзамасского и Ардатовского мировых округов. 11. (Вакансия) – заведовать а) 1 и 2 следственными участками Лукояновского уезда и 2 следственным участком Сергачского уезда, б) Лукояновским тюремным замком и всеми местами заключения по Лукояновскому уезду и в) давать заключения на съезде мировых судей Лукояновского мирового округа.»

Таким образом, в деятельности окружной прокуратуры продолжал доминировать территориальный принцип разделения обязанностей товарищей прокурора, которые занимались типичными вопросами прокурорского надзора. Но, именно прокурор Н.П. Томсен впервые в истории Нижегородской прокуратуры определил предметный принцип дифференциации полномочий прокуроров. При этом он настолько рационально и эффективно разделил должностные обязанности сотрудников прокуратуры, что все последующие прокуроры придерживались его основных положений на протяжении 45 лет. Разумеется, с течением времени сама жизнь потребовала внесения ряда корректив в практику прокурорского надзора, а поэтому с 1880 года в деятельности окружной прокуратуры более рельефно стал функционировать предметный принцип разграничения обязанностей прокурорских работников: один из товарищей прокурора, состоя при его камере, осуществлял надзор за следствием по особо важным делам, рассматривал уголовные дела, которые направлялись в суд по ст. 277 УСУ и давал заключения в гражданском отделении суда. Наконец, с начала XX века в связи с организацией в Российской империи политических партий другой

товарищ окружного прокурора стал осуществлять надзор исключительно в сфере политики.

С 1869 года Нижегородский окружной суд практиковал выездные сессии в г.г. Арзамас, Лысково и Лукоянов. Сессии суда одним составом присяжных заседателей рассматривали в течение трех недель от 60 до 100 дел в том числе уголовные и гражданские дела соседних уездов. Таким образом, в г. Арзамасе разрешались дела из Ардатовского и Сергачского уездов, в г. Лысково – из Макарьевского, Васильского и Княгининского уездов. В связи с этим товарищи окружного прокурора принимали участие в рассмотрении судом тех дел, которые касались поднадзорных им административно-территориальных участков [11].

Большие размеры следственных участков, значительные расстояния между уездным центром и его окраинами, постепенно возрастающее количество уголовных дел, находящихся в производстве судебных следователей при ограниченном количестве сотрудников прокуратуры³, которые обязаны осуществлять надзор за следствием, превращало «право прокуроров и их товарищей присутствовать при всех следственных действиях и рассматривать на месте подлинное производство» (ст. 280 Уст. Угол. Суд.) в неразрешимую проблему, которую в конце концов перестали принимать в расчет самым неожиданным образом: в 1898 г. все товарищи окружного прокурора были перемещены из уездных центров (за исключением г. Арзамас) на постоянное место жительства в г. Н. Новгород.

При этом не вызывали сомнений отрицательные последствия, связанные с переносом центра тяжести прокурорского надзора на конечную стадию расследования преступлений. По этой причине неминуемо ухудшается качество следствия, увеличивается количество прекращенных уголовных дел и оправдательных судебных приговоров, но, по всей вероятности, министерство юстиции предполагало, что в результате сосредоточения товарищей прокурора в губернском центре, улучшатся бытовые условия

³ Указом Правительствующего сената по I Департаменту «Об увеличении штатов некоторых окружных судов и учреждении окружного суда в г. Лубнах» от 6 февраля 1876 года за N 4958 увеличен штат Нижегородского окружного суда за счет 1 товарища прокурора, 3 членов суда, 1 секретаря и 2 помощников секретарей. Это было последнее увеличение штата окружной прокуратуры, которая таким образом состояла из 1 прокурора и 12 товарищей.

сотрудников прокуратуры, возрастут оперативность исполнения решений окружного прокурора и эффективность подготовки кадров прокуратуры, обмен опытом между сотрудниками прокуратуры и т.д.

Действительно, отдаленность уездных центров, недостаток средств быстрого сообщения, дурное состояние дорог, настоятельная необходимость действенного контроля за исполнением циркуляров министра юстиции наталкивали на мысль о концентрации сотрудников прокуратуры в «метрополии». В связи с этим у прокурора появлялась возможность более внимательно изучать личные качества не только писцов (писарей 1,2, 3 разряда), внештатных и штатных канцелярских чиновников, секретаря (заведующего канцелярией), кандидатов на судебную должность, но и товарищей прокурора, деятельность которых в окружной прокуратуре была, как правило, скоротечной.

Само собой разумеется, личные качества товарищей прокурора тщательно изучались, анализировались и фиксировались в формулярные списки о службе, которые состояли из XIV разделов и включали в себя сведения «о чине, должности, возрасте, вероисповедании, знаках отличия, получаемого жалования (I раздел)..., где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли по службе деяний и отличий, не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время, сверх того, если находясь под судом или следствием был оправдан и признан невиновным: то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено (XII раздел)» был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, явился ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною (XII раздел), холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно, год месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания (XIV раздел)».

В этом отношении необходимо отметить, что товарищи окружного прокурора имели право заключать брак только с письменного разрешения прокурора. В связи с этим, например, товарищ Нижегородского окружного прокурора, титулярный советник Ф.А. фон Гринвальд 19 октября 1876 года получил «свидетельство о том, 1) что как видно из формулярного списка о службе г. Гринвальд; ему значится 28 лет, 2) что он вероисповедания лютеранского, 3) что он холост и что к вступлению г.

Гринвальд в законный брак с девицею Марией Ивановною, баронессою Штакельберг, препятствий с моей стороны не имеется, в чем подписом и приложением должностной печати удостоверяю. Нижний Новгород, 19 дня 1876 года. Прокурор Д.К. фон Вендрих» [12].

Что касается кандидатов на судебную должность при прокуратуре окружного суда, то анализ их личных качеств начинался с прошения о приеме на службу, изучения аттестата или диплома, свидетельства о нравственных качествах, благонадежности и законопослушности соискателя государственной должности, его неучастии в противозаконных проявлениях.

В связи с этим окружной прокурор в необходимых случаях обращался с соответствующим запросом в государственные органы, где ранее служил кандидат. Ответ поступал незамедлительно, иногда и такого содержания:

Конфиденциально

*Милостивый государь,
Степан Степанович!*

Вследствие письма Вашего от 6 сего марта за N 14 имею честь уведомить Ваше Высочордие, что бывший старший кандидат при Могилевском Окружном суде Бонч-Бруевич приказом и.д. старшего председателя Киевской судебной палаты от 20 февраля с.г. за N 32, согласно прошению, уволен от службы. Прошение об отставке было подано Бруевичем по предложению председателя Могилевского окружного суда и настоянию с моей стороны, вследствие крайне неблагонадежных в нравственном отношении поступков вне службы.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Исх. 50. 11 марта 1899 года.

Прокурор Могилевского окружного суда [13].

Но вернемся к эксперименту, связанному с переводом товарищей прокурора в губернские центры. По вполне понятным причинам опыт не удался. Спустя 12 лет, 15 марта 1910 года генерал-прокурор издал циркуляр за N 3269, в соответствии с которым некоторые товарищи прокуроров переводились «из мест пребывания окружных судов в районы

вверенных их заведованию участков». Дело в том, что первые десятилетия XX века Россия переживала острые социальные конфликты, кровавый террор, революции и войны. Государственный аппарат империи находился в тяжелом и непрерывном кризисе. В тот исключительно сложный период истории Российской империи лишь одна государственная функция – судебная осуществлялась неукоснительно, на высоком профессиональном уровне, а министр юстиции изыскивал всевозможные резервы для повышения эффективности прокурорского надзора. В этих условиях усилиями полиции, судебных следователей и прокуратуры удавалось не только контролировать, но и сдерживать рост преступности.

На 1 января 1914 года на территории губернии проживало 2 108 358 человек, в городах – 1 518 96 человек (в Н. Новгороде – 1 074 96), в уездах – 1 956 462 человека [14]. По сравнению с 1869 годом население Нижегородской губернии увеличилось на 66,1%. Таким образом, на одного товарища прокурора приходилось 175 696 человек. Вместе с тем наметился тревожный рост корыстных и насильственных преступлений. В 1913 году судебными органами рассмотрено 739 уголовных дел (в отношении 1089 человек), в том числе о воровстве-краже – 242, о грабеже – 31, о конокрадстве – 24, о разбое – 6, о смертоубийстве – 85, о нанесении увечья, ран и других повреждений – 44, о зажигательстве – 18, о государственных преступлениях – 33, о преступлениях по службе государственной и общественной – 84 [15]. По сравнению с 1860 годом количество уголовных дел, рассмотренных судами, возросло на 28,9%, причем рост уголовных дел о воровстве-краже составил 61,7%, о грабежах – 107%, о смертоубийствах – 608%, о зажигательствах – 300%, о преступлениях по службе государственной и общественной – 365%.

В то же время на 1 января 1914 года в местах заключения Нижегородской губернии содержалось 1506 человек: в исправительных колониях для малолетних – 43, при полицейских управлениях, станковых квартирах и волостных правлениях – 83, при съездах – 112, в тюрьмах – 1434 человека, что в определенной степени свидетельствует о сравнительно невысоком уровне уголовной репрессии, связанной с лишением свободы [16].

Накануне Первой мировой войны состав оперативных сотрудников окружной прокуратуры сократился на одного товарища прокурора – 18 июля 1914 года в связи с мобилизацией призван на воен-

ную службу офицер запаса – коллежский секретарь Дымков Л.Н. [17]. В соответствии с указом Правительствующего сената от 20 декабря 1877 года «О правах по гражданской службе лиц, призванных с оной в действительную военную службу, и о порядке исполнения их обязанностей по сохраняемым за ними гражданскими должностями», лица, призванные на военную службу, имели определенные гарантии, а их функции по гражданской службе возлагались на других служащих, которые в том же учреждении, не имели «права на особое, за исполнение этих обязанностей, вознаграждение». Затем, в связи с тяжелой оперативной обстановкой в тылу на основании ст.ст. 33 и 450 Устава о воинской повинности (1915 года) прокуроры были освобождены от действительной военной службы.

Тем временем, общественно опасные деяния на территории Нижегородской губернии приобретали весьма разнообразные формы: в губернии появились лица, сеявшие пораженческие настроения. Так, перепуганный и обозленный дезертир с австро-венгерского фронта И.Т. Решетников в мае 1915 года в Арзамасском уезде пропагандировал свои идеи: «Надо молиться бабам, чтобы Германия победила Россию и прошла через всю нашу страну, так как в случае победы немцев всем будет жить легче, чем теперь, не будет бедных и богатых, все будут равны и никто ничего платить не будет». Эта пропаганда сопровождалась дерзкими и непристойными выражениями в адрес императора и членов императорской фамилии. Решетников И.Т. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 103 и ч. 1 ст. 106 Уложения о наказаниях и в соответствии с п. 2 ст. 1032 УУС осужден Московской судебной палатой с участием сословных представителей [18].

10 мая 1916 года наказом министра юстиции товарищам прокурора «в интересах беззамедлительного направления поступающих к ним дел вменено в обязанность постоянное фактическое наблюдение за производством предварительных следствий». Таким образом, участковые товарищи прокурора окружного суда были вновь определены на место жительства в уездные города. При этом они были обязаны «составлять ежемесячную отчетную ведомость о своей деятельности независимо от установленных наказом цифровых данных, сведений, в каких следственных участках и какое количество рассмотрено ими в течение отчетного месяца подлинных следственных производств, с указанием по отношению к каким следственным участкам и по

каким причинам означенная обязанность по наблюдению за предварительным следствием не была исполнена».

Между тем оперативная обстановка на территории губернии продолжала ухудшаться: 2–5 июня 1916 года произошли погромы лавок в с.Молитовка Балахнинского уезда [19], 7 июня в с.Городец Балахнинского уезда последовали массовые беспорядки. Около 800 жителей Городецкой волости в патриотическом или провокационном угаре «требовали удалить из района всех немцев, в т.ч. провизора Дица Э.А. из саратовских колонистов, русского подданного, содержавшего в названном селе аптекарский магазин», который был заодно разграблен [20]. 9 июня произошел погром лавок в с.Хохлома Семеновского уезда [21], 25 июня – в с. Дальнее-Константиново [22]...

Из отчета прокурора Нижегородского окружного суда на 1 января 1917 года следует, что в течение 1916 года было возбуждено 4079 уголовных дел, окончено и направлено в суд 3599 дел, поступило на дополнительное расследование 114 уголовных дел, осталось в производстве 594 дела (на 1 января 1916 года в производстве оставалось 302 уголовных дела) [23]. Таким образом, в результате роста общественно-опасных деяний, огромных психофизиологических перегрузок расследование преступлений стало «пробуксовывать», повысился брак в работе судебных следователей и товарищей окружного прокурора. При этом следует иметь в виду, что состав окружной прокуратуры в 1916 году состоял из 9 товарищей прокурора, поскольку два сотрудника прокуратуры в соответствии с приказом министра юстиции были откомандированы в прокуратуру Московского судебного округа.

Вслед за февральской революцией, 3 марта 1917 года была принята «Декларация Временного правительства о его составе и задачах», которая, в частности, провозгласила: «Полную и немедленную амнистию по всем делам политическим и религиозным, в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д. (п. 1)... Замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления (п. 5)... Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении (п. 7).»

С этого времени началась дезорганизация судебных органов и этот процесс развала в цепи последующих событий приобрел необратимый харак-

тер. Как из ящика Пандоры вырвались на огромные просторы России бедствия и несчастья: резко возросло количество уголовных преступлений против жизни, здоровья, имущества граждан. В это время сотрудники полиции уже были разогнаны, милиция находилась в зачаточном состоянии, но большевики как-будто этого не замечали, а посему истощено «выражали свой горячий протест против возмутительной прокурорско-шпионско-полицейской травли вождей революционного пролетариата...» [24]. В этом сочетании заведомо несовместимых понятий угадывался зловещий подтекст большевиков, направленный прокурорам: партия, которая во время войны занимала прогерманскую позицию, которая стремилась захватить государственную власть в России вооруженным путем, не забывала своих врагов...

Только к сентябрю 1917 года Временное правительство осознало опасность распоясавшихся уголовных элементов, провокаторов и экстремистов всех мастей, которые в условиях военного времени, в глубоком тылу, сеяли пораженческие настроения и фактически поставили под угрозу государственную безопасность России. В связи с этим 19 сентября 1917 года министр юстиции приказал прокурорам «принять меры» к самочинным организациям и скопищам людей, совершающим насилие под влиянием зловредных агитаторов и бешеных демагогов [25].

Как апофеоз деятельности прокуратуры Нижегородского окружного суда воспринимаются указания прокурора, статского советника Н.П. Чернявского товарищу прокурора 9 участка: «Аграрные беспорядки в Нижегородской губернии разрастаются. Эти беспорядки являются не только крупными правонарушениями, но и вносят в жизнь страны анархию. В большинстве случаев население, не сочувствуя насилиям, вынужденно идет за безответственными агитаторами. Надежда на милицию, совершенно недостаточную по своему составу и не подготовленную к исполнению службы, является слабой. Поэтому во имя блага Родины поручаю Вам: 1. на местах подробно ознакомиться со всеми проявлениями аграрного движения; 2. принять срочные и самые энергичные меры для привлечения виновных к уголовной ответственности с принятием самых строгих мер против насильников; 3. следить за незамедлительным проведением всех аграрных дел; 4. подробно мне доносить о каждом случае беспорядков» (октябрь 23 дня 1917 года, исх. 682) [26].

Через два дня в г. Петрограде большевики вооруженным путем захватили государственную власть, а спустя месяц, 24 ноября 1917 года, «самочинный» СНК опубликовал декрет «О суде» (впоследствии пронумерованный под N 1), которым упразднились окружные суды, судебные палаты, Правительствующий сенат, военные морские, коммерческие суды. Приостанавливалась деятельность мировых судов. Ликвидировались институт судебных следователей, прокурорский надзор и адвокатура.

В то время в прокуратуре Нижегородского судебного округа состояли на службе – прокурор, статский советник Н.П. Чернявский, 11 товарищей прокурора: статский советник Д.С. Воронцов, надворные советники В.Г. Бромский, А.А. Павлов, С.С. Попов, коллежские асессоры М.А. Сачков, С.Н. Щекин, В.Н. Агарев, Б.Ф. Брокмиллер, Б.В. Покровский, коллежский секретарь Л.В. Виноградов, губернский секретарь И.И. Милотворский, секретарь при прокуроре, коллежский секретарь А.Д. Долгов и старший кандидат при камере прокурора, коллежский секретарь П.С. Смирнов, которые в полной мере познали классовую ненависть, месть и беззаконие большевиков [27].

В течение всего периода функционирования судебных уставов в прокуратуре Нижегородского судебного округа попеременно служили 16 прокуроров и 145 товарищей прокуроров. Ни один из них не совершил уголовного преступления или серьезного дисциплинарного проступка. Они были до конца верны должностной присяге и помнили заповедь: «Правила доброго поведения и безупречной жизни имеют особо важное значение для людей, публично обличающих порок и преступления» [28].

Резюмируя изложенное, приходим к следующим выводам: 1) дореформенная судебная система приобретала все более уродливые и позорные признаки, при этом чиновники суда и прокуратуры дискредитировали судебную власть; 2) Судебная реформа 1864 года коренным образом преобразила судостроительство и судопроизводство Российской Империи, нанесла сокрушительный удар по коррупции, пресекла возможность незаконного давления на судебных чиновников посредством публичного разрешения наиболее сложных дел присяжными заседателями, которые избирались судьями по жребию; 3) Судебная реформа 1864 года освободила прокуратуру от общего надзора за исполнением законодательства органами государственной власти,

местного самоуправления и должностными лицами, что позволило сосредоточить усилия лиц прокурорского надзора на более узком, но важнейшем участке ее деятельности; 4) в результате тщательного подбора кадров на должности прокуроров и товарищей прокуроров Нижегородского окружного суда назначались юридически подготовленные, компетентные и добросовестные лица прокурорского надзора; 5) прокуратура Нижегородского окружного суда на протяжении 48 лет, в период функ-

ционирования судебных уставов, в самых сложных условиях оперативно и квалифицированно, в соответствии с законодательством Российской империи осуществляла прокурорский надзор на территории Нижегородской губернии; 6) дезорганизация судебных органов государства началась 3 марта 1917 года, когда, образно выражаясь, одна из четырех опор судебной власти была легкомысленно выбита из-под ее основания и выброшена на улицу Временным правительством России. ■

Литература и архивные материалы:

1. Давыдов Н.В. Судебная реформа 1864 года. Три века. Изд-во «ГИС», 1991. Т. 4. С. 174.
2. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Самые знаменитые юристы России. М.: Вече, 2004. С. 151.
3. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1884. Т. 1. С. 28.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. Т. 1. С. 539.
5. Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1993. С. 154.
6. Энциклопедический словарь. С.-Петербургская типография Акционерного общества. Издательское дело Брокгауз-Ефрон, 1898. Т. 25. С. 403.
7. Сборники статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии. Издание Нижегородского статистического комитета. Нижний Новгород, 1880. Печатано в типографии П.А. Косарева Большая Покровка, дом Власова.
8. Гацисский А. Опыт уголовной статистики Нижегородской губернии. Н. Новгород, 3 сентября 1863 года. С. 97–98.
9. Отчет Министерства юстиции за 1860. С.-Петербург. Напечатано в типографии Правительствующего сената, 1871.
10. ЦАНО. 1869–1917 гг. Канцелярия прокуратуры Нижегородского окружного суда. Ф. 179. ОП. 639 Д. 125. Л. 1. Д. 170. Л. 2. Д. 176. Л. 1.
11. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 639. Д. 314. Л. 7.
12. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 639. Д. 314. Л. 6.
13. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 639. Л. 6.
14. Обзор Нижегородской губернии за 1913 г. Ведомость N 4 о движении народонаселения Нижегородской губернии за 1913 г. Приложение к обзору Нижегородского губернатора. Н. Новгород: Нижегородское статистическое управление, 1913.
15. Обзор Нижегородской губернии за 1913 год. Ведомость о числе и роде преступлений в Нижегородской губернии по сведениям прокурора Нижегородского окружного суда за 1913. Приложение к обзору Нижегородской губернии N 10 Нижегородского статистического управления, 1913.
16. Сведения о количестве лиц, содержащихся под стражею в 1913. К ведомости N 10. Обзор Нижегородской губернии за 1913 год. Н. Новгород: Типография Губернского правления. Составлен Нижегородским статистическим комитетом в 1913 г.
17. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 1. Д. 2771. Л. 1–12.
18. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 1. Д. 679. Л. 13.
19. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 1. Д. 702. Л. 1–23.
20. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 1. Д. 675. Л. 2.
21. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 1. Д. 703. Л. 4.
22. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 1. Д. 705, 706.
23. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 1. Д. 3117. Л. 3.
24. VI съезд РСДРП (б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. Ильин-Женевский. От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 г. Л. 1927.
25. Стащенко Л.А., Шамбе Т.М. История государства и права России. Академический курс в 2-х томах. Том. 1. М.: Норма, 2000. С. 703.
26. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 1.740. Л. 16.
27. Нижегородский иллюстрированный календарь на 1917 год. Типография губернского правления, 1916.
28. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. Т. 1. С. 527.